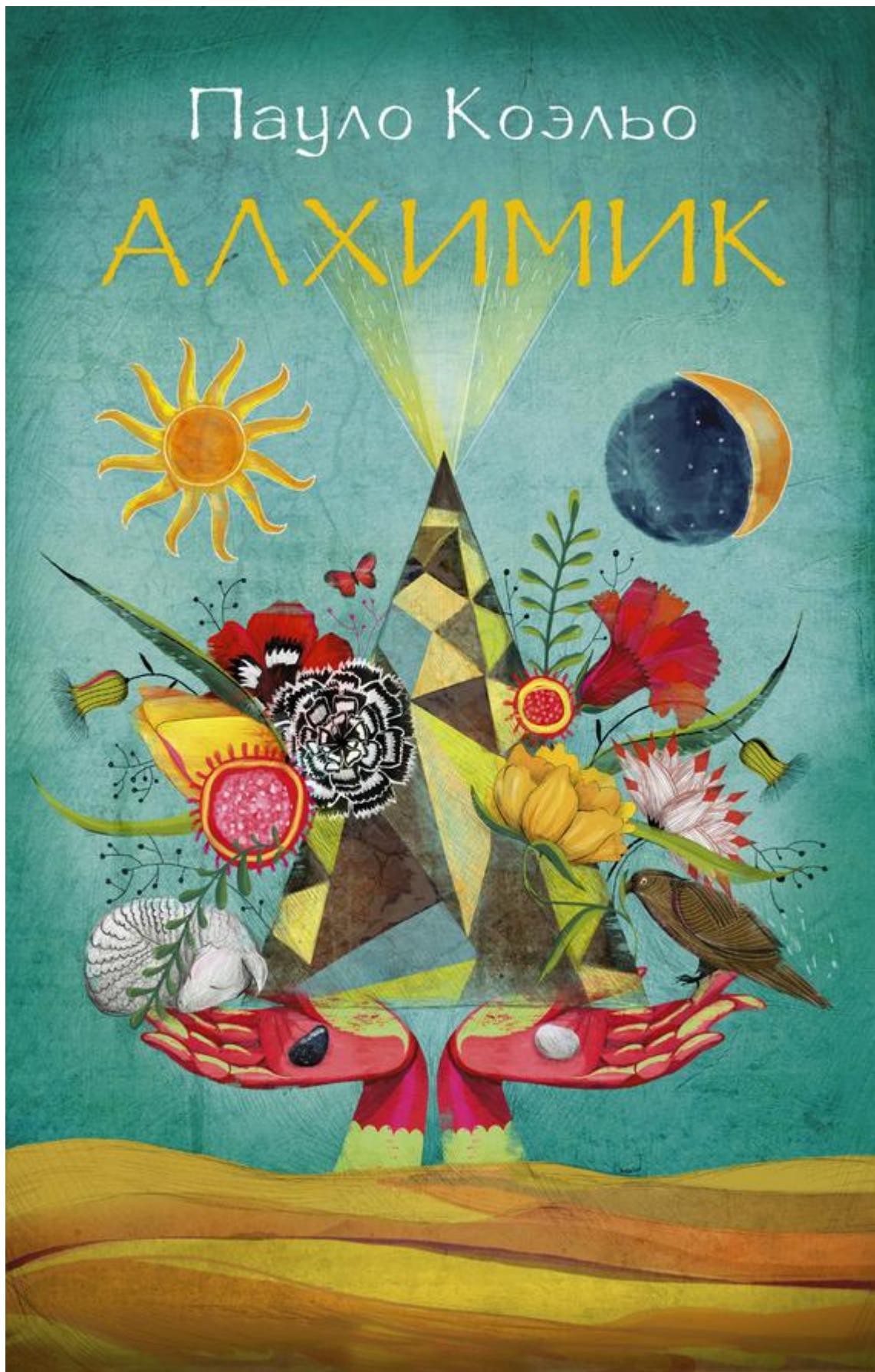

Пауло Коэльо
Алхимик

Текст предоставлен правообладателем <https://litres.ru/122351>
 «Алхимик / Пауло Коэльо; пер. с португ. А. Богдановского»: АСТ; Москва; 2013
 ISBN 978-5-17-052072-5

Аннотация

<р>«Алхимик» – самый известный роман бразильского писателя Пауло Коэльо, любимая книга миллионов людей во всем мире.</р><р>В юности люди не боятся мечтать, все кажется им возможным. Но проходит время, и таинственная сила принимается им внушать, что их желания неосуществимы.</р><р>«Добиться воплощения своей Судьбы – вот единственная подлинная обязанность человека...», – утверждает Пауло Коэльо.</р><р>Этот ставший культовым роман-притча способен изменить жизнь своих читателей.</р>

Пауло Коэльо Алхимик

Copyright © 1988 by Paulo Coelho
 © Перевод, А. Богдановский
 © ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие к русскому изданию

Получив экземпляр первого издания романа «Алхимик», я испытал искреннюю радость. В течение многих лет читатели-энтузиасты в России пытались распространять книгу самостоятельно – размещали в Интернете, передавали друг другу в виде книжек-самоделок, изготавливали фотокопии текста, который вы сейчас держите в руках. Однако, несмотря на все старания, никак не удавалось, в силу разных обстоятельств, добиться грамотного продвижения «Алхимики» на книжный рынок.

И вот наконец книгу издали и занялись профессиональным распространением «Алхимики» на российском рынке.

Ключевое понятие, которое лежит в основе повествования о путешествии пастуха Сантьяго, – это понятие «Своя Судьба». Что же такое Своя Судьба? Это наше высшее предназначение, путь, уготованный нам Господом здесь, на Земле. Всякий раз, когда мы делаем что-то с радостью и удовольствием, это означает, что мы следуем Своей Судьбе. Однако не всем достает мужества идти по этому пути, добиваясь встречи со своей заветной мечтой.

Почему же не у всех сбываются желания и мечты?

Этому мешают четыре препятствия. Первое состоит в том, что человеку с раннего детства внушают, что то, чего он в жизни больше всего желает, просто неосуществимо. С этой мыслью он вырастает, и с каждым прожитым годом его душа все больше обрастает коростой многочисленных предрассудков и страхов, переполняется чувством вины. И однажды наступает момент, когда желание следовать Своей Судьбе оказывается погребенным под тяжестью этого груза, и тогда человеку начинает казаться, что он окончательно утратил ощущение своего высшего предназначения. Хотя на самом деле оно, разумеется, по-прежнему живет в его душе.

Если человеку все же хватит мужества извлечь свою мечту из недр души и не отказаться от борьбы за ее осуществление, его ожидает следующее испытание: любовь. Он знает, чего хотел бы добиться или испытать в жизни, но боится, что, если бросит все и последует за своей мечтой, он тем самым причинит боль и страдания своим близким. Это значит, что человек не понимает, что любовь не преграда, она не мешает, а, наоборот, помогает идти вперед. И тот, кто действительно желает ему добра, всегда готов пойти ему навстречу, постараться понять и поддержать его в пути.

Когда человек осознает, что любовь не преграда, а подмога в пути, его подстерегает третье препятствие: страх неудач и поражений. Тот, кто борется за свою мечту, сильнее других страдает, когда у него что-то не получается, поскольку он не вправе прибегнуть к известной отговорке: «Ну и ладно, не очень-то и хотелось». Как раз ему-то очень хочется, и он сознает, что на карту поставлено все. Он сознает и то, что путь, который определен Своей Судьбой, так же труден, как и любой другой, с той лишь разницей, что «там и будет сердце твое». Поэтому Воин Света должен обладать терпением, столь необходимым ему в трудные моменты жизни, и всегда помнить, что вся Вселенная способствует тому, чтобы его желание осуществилось, пусть даже самым непостижимым для него образом.

Вы спросите: а так ли необходимы поражения?

Необходимы они или нет, они случаются. Когда человек только начинает бороться за свои мечты и желания, он, по неопытности, совершает множество ошибок. Но в том-то и смысл бытия, чтобы семь раз упасть и восемь подняться на ноги.

В таком случае, спросите вы, зачем же нам следовать Своей Судьбе, если из-за этого нам предстоит страдать сильнее, чем всем остальным?

Затем, что, когда неудачи и поражения останутся позади – а в конце концов они непременно остаются позади, – мы познаем ощущение полного счастья и станем больше доверять самим себе. Ведь в глубине души мы верим, что достойны того, чтобы с нами произошло нечто необыкновенное. Каждый день, каждый час нашей жизни – это момент Славного Сражения. Постепенно мы научимся радостно воспринимать и наслаждаться каждым мгновением жизни. Сильное страдание, которое может обрушиться на нас нежданно-негаданно, проходит быстрее, нежели то, которое кажется нам более терпимым – такое страдание может длиться годами, оно постепенно и незаметно начинает разъедать нашу душу, пока неодолимое чувство горечи не поселяется в ней окончательно, до последних дней омрачив нашу жизнь.

Итак, когда человек извлек свою мечту со дна души и многие годы питал ее силой своей любви, не замечая рубцов и шрамов, оставшихся на сердце после многотрудной борьбы за ее воплощение, он вдруг начинает замечать, что то, чего он так долго желал, уже совсем близко и вот-вот осуществится – возможно, уже завтра. Именно на этом этапе его ожидает последнее препятствие: страх перед исполнением мечты всей его жизни.

Как писал Оскар Уайльд, «люди всегда разрушают то, что любят сильнее всего». И это действительно так. Само сознание, что вот-вот сбудется то, о чем человек мечтал всю жизнь, случается, наполняет его душу чувством вины. Оглядываясь вокруг, он видит, что многим так и не удалось добиться желаемого, и тогда он начинает думать, что и он тоже этого не достоин. Человек забывает, сколько ему довелось пережить, перестрадать, чем пришлось пожертвовать во имя своей мечты. Я встречал людей, которые, следя Своей Судьбе, оказывались буквально в двух шагах от заветной цели, к которой стремились всей душой, но в последний момент делали массу глупостей и в результате их цель, до которой, казалось, было рукой подать, так и оставалась недостижимой.

Из всех четырех это препятствие самое коварное, поскольку овеяно своего рода жертвенной святостью – человек словно отрекся от радости свершения и наслаждения плодами победы. И только когда человек осознает, что достоин того, за что он так страстно боролся, он становится орудием в руках Господа, и ему открывается смысл его пребывания здесь, на Земле.

Обо всем об этом, в символической форме, и повествует роман «Алхимик».

*Пауло Коэльо
июль 2000 г.*

Предисловие

Считаю своим долгом предупредить читателя, что «Алхимик» – книга символическая, чем и отличается от «Дневника мага», где нет ни слова вымысла.

Однинадцать лет жизни я отдал изучению алхимии. Уже одна возможность превращать любой металл в золото или найти Эликсир Бессмертия достаточно соблазнительна для всякого, кто делает первые шаги в магии. Моим воображением, признаюсь, в особенности завладел эликсир, ибо пока я не осознал и не прочувствовал существования Бога, сама мысль о том, что когда-нибудь все закончится навсегда, казалась мне непереносимой. Так что, узнав о возможности создать некую жидкость, способную на многие-многие годы продлить наше земное бытие, я решил всецело посвятить себя ее изготовлению.

Это было в начале семидесятых, накануне последовавших затем глубоких преобразований, когда еще не было серьезных работ по оккультным наукам. Подобно одному из героев этой книги, я тратил все свои скучные средства на приобретение книг по алхимии, изданных за границей, и все свое время – на изучение их сложного символического языка. В Рио-де-Жанейро мне удалось разыскать нескольких ученых, всерьез занимавшихся Великим Творением, но от встречи со мной они уклонились. Познакомился я и с теми, кто именуют себя алхимиками, владеют соответствующими лабораториями и готовы открыть каждому тайны своего искусства – только, разумеется, за баснословные деньги; сейчас для меня совершенно очевидно, что на самом деле они ровным счетом ничего не смыслят в том, в чем считают себя знатоками.

Мое усердие и рвение уходили впустую. Мне не удавалось ничего из того, о чем на замысловатом языке говорилось в учебниках алхимии, пестрящих символами на каждом шагу – солнцами, лунами, драконами и львами. И мне все время казалось, что я двигаюсь не в том направлении: ведь сам по себе символический язык открывает широчайший простор для неправильных толкований. В 1973 году, в отчаянии оттого, что не продвинулся в своих штудиях ни на пядь, я совершил чрезвычайно легкомысленный поступок. В ту пору департамент образования в штате Мату-Гросу пригласил меня вести занятия по театральному искусству, и я решил поставить в студенческом театре-студии спектакль на тему Изумрудной Скрижали с участием моих студентов. Даром мне это не прошло, и подобные эксперименты вкупе с иными моими попытками утвердиться на зыбкой почве магии привели к тому, что уже через год я на собственной шкуре убедился в правдивости поговорки: «Сколь веревочке ни виться, а конец будет».

Следующие шесть лет все, что имело отношение к мистике, вызывало у меня лишь скептическую ухмылку. В этом внутреннем изгнанничестве я сделал для себя несколько важных выводов: мы принимаем ту или иную истину лишь после того, как вначале всей душой ее отвергнем; не стоит бежать от собственной судьбы – все равно не уйдешь; Господь взыскивает строго, но и милость Его безгранична.

В 1981 году в мою жизнь вошел RAM, и я познакомился с учителем, которому суждено было вернуть меня на предназначенную мне стезю. В дополнение к тем знаниям, которые я от него получал, я вновь, на собственный страх и риск, взялся изучать алхимию. Однажды вечером, после изнурительного телепатического сеанса, я спросил, почему алхимики выражаются так сложно и расплывчато.

– Существует три типа алхимиков, – ответил он. – Одни тяготеют к неопределенности, потому что сами не владеют своим предметом. Другие знают его, но знают также и то, что язык алхимии направлен к сердцу, а не к рассудку.

– А третий? – спросил я.

– Третий – это те, кто и не слышал об алхимии, но кто сумел всей своей жизнью открыть Философский Камень.

И после этого мой Учитель, относившийся ко второму типу, решил давать мне уроки алхимии. Вскоре я понял, что ее символический язык, столько раз сбивавший меня с толку и так меня раздражавший, – это единственный путь постичь Душу Мира, или то, что Юнг называл «коллективным бессознательным». Я открыл Свой Путь и Знаки Бога – те знаки истины, которые мой интеллект прежде отказывался принимать из-за их простоты. Я узнал, что задача достичь Великого Творения не есть удел горстки избранных – она адресована всему человечеству, населяющему эту планету. Не всегда, разумеется, Великое Творение предстает перед нами в виде яйца и флакона с жидкостью, но каждый из нас, несомненно, способен открыть Душу Мира и погрузиться в нее.

Вот почему «Алхимик» – книга символическая, и на ее страницах я не только излагаю все, что усвоил по этому вопросу, но и пытаюсь воздать должное тем великим писателям, которые смогли овладеть Всеобщим Языком: Хемингуэю, Блейку, Борхесу (сходный эпизод есть в одном из его рассказов, где действие происходит в средневековой Персии), Мальбу Тагану и другим.

В завершение чересчур, может быть, пространного предисловия и чтобы пояснить, кого относил мой Учитель к алхимикам третьего типа, приведу историю, которую он же поведал мне как-то в лаборатории.

Однажды Пречистая Дева с младенцем Христом на руках спустилась на землю и посетила некую монашескую обитель. Исполненные гордости монахи выстроились в ряд: каждый по очереди выходил к Богоматери и показывал в ее честь свое искусство: один читал стихи собственного сочинения, другой демонстрировал глубокие познания Библии, третий перечислил имена всех святых. И так каждый из братии, в меру сил своих и дарований, чествовал Деву и младенца Иисуса.

Последним среди них был смиренный и убогий монашек, который не мог даже затвердить наизусть тексты Священного Писания. Родители его были люди неграмотные, – бродячие циркачи, – и сына они только и научили, что жонглировать шариками и показывать всякие нехитрые фокусы.

Когда дошел черед до него, монахи хотели прекратить церемонию, ибо бедный жонглер ничего не мог сказать Пречистой Деве, а вот опозорить обитель мог вполне. Но он всей душой чувствовал настоятельную необходимость передать Деве и Младенцу какую-то частицу себя.

И вот, смущаясь под укоризненными взглядами братии, он достал из кармана несколько апельсинов и принялся подбрасывать их и ловить, то есть делать то единственное, что умел, – жонглировать.

И только в эту минуту на устах Христа появилась улыбка, и он захлопал в ладоши. И только бедному жонглеру протянула Пречистая Дева своего сына, доверив подержать его на руках.

Автор

*Посвящается Ж. – Алхимику,
который познал тайну
Великого Творения*

В продолжение пути их пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой;

у нее была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Еgo.

Марфа же заботилась о большом угождении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне.

Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суешься о многом,

а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее.

Евангелие от Луки 10:38–42

Пролог

Алхимик взял в руки книгу, которую принес кто-то из путников. Книга была без обложки, но имя автора он нашел – Оскар Уайльд – и, перелистывая ее, наткнулся на историю о Нарциссе.

Миф о прекрасном юноше, который днями напролет любовался своим отражением в ручье, Алхимику был известен: Нарцисс до того загляделся, что в конце концов упал в воду и утонул, а на берегу вырос цветок, названный в его память.

Но Оскар Уайльд рассказывал эту историю по-другому.

«Когда Нарцисс погиб, нимфы леса – дриады – заметили, что пресная вода в ручье сделалась от слез соленой.

– О чем ты плачешь? – спросили дриады.

– Я оплакиваю Нарцисса, – отвечал ручей.

– Неудивительно, – сказали дриады. – В конце концов мы ведь всегда бежали за ним вслед, когда он проходил по лесу, а ты – единственный, кто видел его красоту вблизи.

– А он был красив? – спросил тогда ручей.

– Да кто же лучше тебя может судить об этом? – удивились лесные нимфы. – Не на твоем ли берегу, склоняясь над твоими водами, проводил он дни от зари до ночи?

Ручей долго молчал и наконец ответил:

– Я плачу по Нарциссу, хотя никогда не замечал, что он – прекрасен. Я плачу потому, что всякий раз, когда он приходил на мой берег и склонялся над моими водами, в глубине его глаз отражалась моя красота».

«Какая чудесная история», – подумал Алхимик.

Часть первая

Юношу звали Сантьяго. Уже начинало смеркаться, когда он вывел своих овец к заброшенной полуразвалившейся церкви. Купол ее давно просел и стал руиной, а на том месте, где была когда-то ризница, вырос огромный сикомор.

Там и решил заночевать Сантьяго, загнал через обветшавшую дверь своих овец и обломками досок закрыл выход, чтобы стадо не выбралось наружу. Волков в округе не было, но овцы порой разбредались, так что целый день приходилось тратить на поиски какой-нибудь заблудшей овечки.

Сантьяго расстелил на полу куртку, под голову подложил книгу, которую недавно закончил читать, и улегся. А перед тем как заснуть, подумал, что надо бы брать с собой книги потолще – и читаешь их дольше, и в качестве подушек они удобнее. Он проснулся, когда было еще темно, и над ним сквозь прорехи в остатках кровли сияли звезды.

«Еще бы поспать», – подумал Сантьяго.

Ему приснился тот же сон, что и на прошлой неделе, и опять он не успел досмотреть его до конца.

Он поднялся, выпил глоток вина. Взял свой посох и стал расталкивать спящих овец. Однако большая их часть проснулась в тот самый миг, когда и он открыл глаза, будто какая-то таинственная связь существовала между ним и овцами, с которыми он уже два года бродил с места на место в поисках воды и корма. «Так привыкли ко мне, что усвоили все мои привычки, – пробормотал он. – Знают даже мой распорядок дня».

Поразмыслив над этим еще немного, он сообразил, что, может быть, дело обстоит как раз наоборот – это он изучил их привычки и научился применяться к овечьему распорядку.

Однако иные овцы вставать не спешили, как ни подталкивал их Сантьяго кончиком посоха, окликая каждую по имени. Он вообще был уверен, что они отлично понимают все, что он им говорит, и потому иногда читал овцам вслух то, что ему особенно нравилось в книжках, или рассказывал, как одинока жизнь пастуха, как мало в ней радостей, или делился с ними новостями, услышанными в городах и селениях, по которым ему случалось проходить.

Впрочем, в последнее время говорил юноша только об одном: о девушке, дочке торговца, жившей в том городе, куда он должен был прийти через четыре дня. Видел он ее лишь однажды, в прошлом году. Лавочник, торговавший сукном и шерстью, любил, чтобы овец стригли прямо у него на глазах — так будет без обмана. Кто-то из приятелей Сантьяго указал ему эту лавку, и он пригнал туда своих овец.

«Хочу продать шерсть», — сказал он лавочнику.

У прилавка толпился народ, и хозяин попросил пастуха подождать до обеда. Сантьяго согласился, сел на тротуар и достал из заплечной котомки книжку.

— Вот не знала, что пастухи умеют читать, — раздался вдруг рядом женский голос.

Подняв голову, он увидел девушку — по виду истину андалусийку: волосы длинные, черные, гладкие, а глаза как у мавров, покоривших в свое время Испанию.

— Пастухам незачем читать: овцы научат большему, чем любая книга, — отвечал ей Сантьяго.

Так слово за слово они разговорились и провели в беседе целых два часа. Девушка рассказала, что лавочник — ее отец, что жизнь у нее скучная и дни похожи один на другой как две капли воды. А Сантьяго рассказал ей о полях Андалусии, о том, что слышал в больших городах, по которым пролегал его путь. Он рад был собеседнице — не все же с овцами разговаривать.

— А где ты выучился читать? — спросила она.

— Где все, там и я, — ответил юноша. — В школе.

— Отчего же ты, раз обучен грамоте, пасешь овец?

Вместо ответа Сантьяго заговорил о другом: уверен был, что она все равно его не поймет. Он все рассказывал ей о своих странствиях, и ее мавританские глаза то широко раскрывались, то щурились от удивления. Время текло незаметно, и Сантьяго хотелось, чтобы день этот никогда не кончался, чтобы лавочника осаждали покупатели и стрижки ждать пришлось бы дня три. Никогда прежде не случалось ему испытывать такого, как в эти минуты; ему хотелось остаться здесь навсегда. С этой черноволосой девушкой дни не были бы похожи как две капли воды.

Но тут из лавки вышел ее отец и отобрал для стрижки четырех овец из стада. Потом заплатил, сколько положено, и сказал:

— Приходи через год.

И вот теперь до назначенного срока оставалось всего четыре дня. Юноша радовался предстоящей встрече и в то же время тревожился: а вдруг девушка его уже позабыла? Много ведь пастухов гонят свои стада через их городок.

— Ну и пусть, — сказал он овцам. — Велика важность. И в других городах найдутся девчонки.

Но в глубине души он знал, что важность и в самом деле очень велика. И у пастухов, и у моряков, и у странствующих торговцев всегда есть один заветный город, где живет та, ради которой они готовы пожертвовать радостной возможностью свободно бродить по свету.

Уже совсем рассвело, и Сантьяго погнал отару в ту сторону, откуда поднималось солнце.

«Хорошо овцам, — думал он, — им ничего не нужно решать. Может быть, поэтому они и жмутся ко мне».

Им вообще ничего не нужно – были бы вода и трава под ногами. И покуда он знает лучшие в Андалусии пастища, овцы будут его лучшими друзьями. Пусть день на день похож, пусть время от восхода до заката тянется бесконечно, пусть им неведомы книги и они не понимают языка, на котором люди в городках и селах пересказывают друг другу новости, – они будут счастливы, покуда им хватает воды и травы. А за это они радуют человека своим присутствием в его жизни, щедро одаривают его своей шерстью и – время от времени – своим мясом.

«Стань я сегодня диким зверем и начни убивать их одну за другой, они поняли бы что к чему лишь после того, как я перебил бы большую часть отары, – думал Сантьяго. – Они больше доверяют мне, чем собственным своим инстинктам, и только потому, что я веду их туда, где они найдут пропитание».

Он сам удивился тому, какие мысли лезут ему сегодня в голову. Может, это оттого, что над церковью, где в ризнице вырос сикомор и где он провел ночь, висит проклятие? Вначале ему приснился сон, который он уже видел однажды, а теперь вот разозлился на своих верных спутниц. Он глотнул вина, оставшегося после ужина, и плотнее запахнул куртку. Он знал, что всего через несколько часов, когда солнце достигнет зенита, начнется такая жара, что не под силу будет гнать овец через пустоши. В этот час вся Испания спит. Зной спадет лишь под вечер, а до этого весь день предстоит таскать на плечах тяжелую куртку. Но ничего не поделаешь: именно она спасает на рассвете от холода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.